

Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных

А.Ю. СУНГАТУЛЛИН – судья Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан, соискатель Российской академии правосудия

Статья посвящена исследованию вопроса о нормативном отражении признаков пособничества в совершении преступления в законодательстве России XIX столетия. На основе анализа Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и положений доктрины доказываемся, что криминализации были подвержены усилия по достижению соглашения не только между сторонами в преступных сделках, но и между лицами, чьи действия сами по себе преступными не являлись.

Ключевые слова: посредничество в совершении преступления; пособничество в преступлении; соучастие в преступлении; виды соучастников.

Criminal responsibility for mediation in crime commission under Code of Criminal and Correctional Punishments

A.YU. SUNGATULLIN – Judge of Oktyabrskiy District Court of Ufa (Republic of Bashkortostan), Aspirant of the Russian Academy of Justice

The article concerns the issue of normative defining of characteristics of agency in commission of a crime under the Russian legislation of the 19th century. Basing on the analysis of Code of Criminal and Correctional Punishments and theoretical views, the author proves that not only efforts on settlement of agreement between the parties criminal bargain was criminalized, but also between persons, whose action were not criminal, in themselves.

Key words: Agency in crime commission, aiding and abetting, types of abettors.

Проблема посредничества в совершении преступлений и ответственности за посредническую деятельность – одна из наиболее актуальных проблем уголовно-правовой науки и практики. Ее современное понимание, а следовательно, и определение путей оптимизации законодательства в части противодействия посредничеству в совершении преступлений невозможны без изучения истории развития соответствующих уголовно-правовых норм. Настоящая публикация посвящена исследованию института посредничества в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение), а именно анализу норм, предусматривающих уголовную ответственность за содействие достижению различными способами преступного соглашения между лицами, каждое из которых несет самостоятельную ответственность за совершаемое деяние, при этом действия посредника выражаются в способствовании совершению преступления иными лицами, что указывает

на совместную преступную деятельность нескольких лиц. Вследствие этого рассмотрение института посредничества в преступлении возможно лишь во взаимосвязи с институтом соучастия в преступлении.

Согласно ст. 13 отд. III Уложения существовало два вида соучастия: совершение преступления несколькими лицами без предварительного согласия и с предварительным согласием. В первом случае видами соучастников являлись главные виновные – лица, «непосредственно совершившие преступление» либо «распоряжавшиеся или управляющие действиями других», и участники – лица, «которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления, доставляли средства для совершения преступления или же старались устранить препятствия, к тому представлявшие».

Следует отметить, что выделение в Уложении соучастия без предварительного согласия сразу же было подвергнуто жесткой

критике. Так, например, известный криминалист А. Лохвицкий отмечал: «Спрашивается, каким образом может выйти, что человек распоряжается действиями других, а другие, следовательно, слушаются его, каким образом можно доставлять средства, устранять препятствия, – все это без предварительного, т.е. предшествовавшего преступлению, уговора?»¹.

В случае соучастия с предварительным сговором выделялись: зачинщики – лица, «которые, замыслив содеянное преступление, согласили на то других» либо «которые управляли действиями при совершении преступления или покушения на оное или же первые к тому приступили»; сообщники, «которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить совокупными силами или действиями преднамеренное преступление»; подговорщики, или подстрекатели, «которые, не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения, или подкуп и обещание выгод, или обольщения и обманы, или же принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других»; пособники. Раскрывая понятие пособника в преступлении, закон достаточно четко конкретизировал круг действий данного соучастника. В частности, под пособниками понимались лица, которые «хотя и не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но из корыстных или иных личных видов помогали или обязались помогать умыслившим оное советами, или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представляющих к содеянию онаго препятствий, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеянного» (ст. 14 отд. III).

Как видно из определения, пособнические действия в преступлении носили достаточно разнообразный характер. По словам В.В. Есипова, «пособничество в субъективном отношении играет роль разъяснителя и укрепителя преступного намерения, в объективном же состоит в воспроизведении действий, хотя содействующих совершению преступления, но не входящих в материальный состав преступления»².

Вместе с тем среди перечисленных альтернативных деяний пособников отсутствует такой вид, как содействие достижению соглашения либо сделки между лицами,

действия которых образуют в данной сделке самостоятельный состав преступления. Это не означало, что действия посредника в совершении преступления оставались безнаказанными. При расширительном толковании действия посредника следовало трактовать как устранение препятствий к совершению преступления путем достижения соглашения либо оказания помощи в реализации соглашения между преступниками.

В теории уголовного права пособничество имело несколько классификаций и видов: 1) физическое или умственное; 2) определенное или неопределенное; 3) положительное или отрицательное; 4) общее или особенное; 5) главное и неглавное³.

Наибольший интерес вызывает деление пособничества на общее и особенное. Так, общее пособничество заключалось в деянии, которое не составляло особенного вида преступления для соучастника, а особенное пособничество – в деянии, составлявшем отдельный вид преступления⁴. Именно пособнические действия, выраженные в посредничестве в преступлении и запрещенные конкретными нормами Особенной части, создают одну из проблемных ситуаций в современном уголовном праве.

Первое упоминание ответственности за посреднические действия в Особенной части Уложения мы находим в нормах о запрещении взяточничества. Так, в ст. 401 гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» разд. V «О преступлениях и проступках по службе», предусматривавшей ответственность за получение взятки, законодатель указал, что должностное лицо, принявшее подарки через других лиц или же дозволившее членам своей семьи получить их, следует так же наказывать, как и виновного, непосредственно принявшего взятку. В ст. 405 той же главы было продублировано положение о том, что одним из способов мздоимства либо лихоимства является получение взятки через других лиц, в том числе и родственников. Нормы о наказуемости лихоимателей содержались в ст. 412, 413 Уложения.

Помимо традиционных составов преступлений, предусматривавших ответственность за получение или дачу взятки, гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» содержала в себе и ряд норм о наказуемости посредничества в следующих преступлениях:

– противозаконный сбор денег или же чего-нибудь иного должностными лицами волостного и сельского управления, писарями либо их помощниками на подарки и угоще-

ние для чиновников и других должностных лиц (ст. 408);

– содействие мздоимству либо лихоимству (ст. 409);

– дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины (ст. 411).

Следует отметить, что ст. 408 Уложения, регламентировавшая ответственность за сбор денег или чего-либо иного на подарки и угощение, предусматривала два состава преступления: «1) когда эти незаконные сборы действительно служили на угощение чиновников и других лиц и 2) когда они обращены под вымышленным предлогом в пользу самих сборщиков»⁵. Причем за мошенничество предусматривалось более суровое наказание, чем за посредничество во взятке.

Содействовавшими мздоимству и лихоимству по ст. 409 Уложения признавались: 1) лица, принявшие вместо чиновника взятку или служившие посредниками при этом; 2) начальники, знавшие достоверно о подарках или взятках, получаемых их подчиненными, и не принявшие никаких мер для прекращения таких злоупотреблений, изобличения и наказания виновных или даже явно им потворствовавшие; 3) судьи, которые вопреки закону и обстоятельствам дела старались оправдать изобличенных в мздоимстве или лихоимстве преступников⁶.

Согласно диспозиции рассматриваемой статьи посредничество в получении взятки могло проявляться в принятии или передаче предмета взятки; посредничестве при требовании взятки; участии в притеснениях или угрозах, употребляемых для вымогательства. Законодатель достаточно подробно расписал различные проявления посреднических действий при пособничестве взяткополучению. Такое пособничество выражалось не только в традиционной передаче взятки, но и в способствовании ее вымогательству.

При рассмотрении ст. 409 Уложения Н.А. Громов, ссылаясь на разъяснения Правительствующего Сената 1902 г. по делу № 19 в отношении Клемборта и других, отмечал, что в данной статье говорится «об ответственности всяких лиц, содействовавших мздоимству и лихоимству, без специального ограничительного указания на лиц должностных и лиц частных, содействовавших взяточничеству»⁷.

В соответствии со ст. 411 подлежали квалификации действия крестьянина (или человека другого состояния), который не участвовал в вымогательстве взятки, а только

по своему недоразумению и незнанию своих обязанностей брался передать ее чиновнику от своей общины. В данном случае законодатель особо выделил то обстоятельство, что незнание запрета на подкуп должностных лиц не признавалось основанием для освобождения лица, передавшего взятку, пусть даже не от своего имени.

Статья о наказании содействовавших взяточникам (ст. 409) во всех редакциях Уложения оставалась без изменений. В связи с этим можно заключить, что возможность привлечения к уголовной ответственности за посредничество в получении взятки в Уложении предусматривалась независимо от того, содействовал ли виновный достижению соглашения между лицами, подлежащими самостоятельной ответственности за дачу и получение взятки, или же такой ответственности подлежало исключительно должностное лицо.

Еще более широкую трактовку ответственности за посредничество представляет анализ норм отд. X «О запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных лотереях» гл. III «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановления». По ст. 1276 Уложения ответственности подлежал виновный, который в своем доме или ином каком-либо месте устроил или дозволил устроить заведения для запрещенных игр. Участие в таких азартных играх запрещалось ст. 1274, 1275. Однако с изданием Уложения в редакции 1866 г. и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав о наказаниях)⁸, указанные нормы о запрещении организации азартных игр и участия в них подверглись существенным изменениям. Под запретом оказались: 1) устройство или открытие игорного заведения у себя в доме или ином каком-либо месте (ст. 990 Уложения 1866 г.); 2) устройство запрещенных игр не в виде игорного дома (ст. 46 Устава о наказаниях). В соответствии со ст. 990 Уложения 1866 г. и ст. 46 Устава о наказаниях преследованию подлежали только главные виновные, то есть лица, устроившие игру. Причем «устроителей запрещенной игры закон преследует... за вовлечение других в запрещенную игру и за поддержание в них страсти к этой игре»⁹. Под положения ст. 990 Уложения 1866 г. подпадали случаи, когда виновный в своем доме или заведении давал пристанище игрокам, зная цель, для которой они собирались. Игра должна была происходить более или менее постоянно. Однако при этом

не требовалось, чтобы она имела непрерывный характер. Также не требовалось, чтобы хозяин игорного дома извлекал выгоду из игры и чтобы заведение было устроено исключительно для азартной игры.

Указание на ответственность лиц, принимавших участие в запрещенных играх, в рассматриваемых документах отсутствовало, что позволяет прийти к выводу о ненаказуемости таких действий. На основании этого можно заключить, что законодатель признавал преступными исключительно посреднические действия, в то время как поведение лиц, выступавших сторонами в договоре, относил к правомерным поступкам.

Подводя итог анализу норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в части ответственности за посредническую деятельность, представляется возможным сделать следующие выводы, позволяющие лучше понять современную ситуацию в сфе-

ре криминализации данной разновидности общественно опасного поведения:

1) с учетом специальных запретов на совершение посреднических действий посредничество в преступлении являлось собирательным понятием и наряду с содействием в достижении либо реализации соглашения между сторонами могло выражаться как в подстрекательстве к совершению преступления (сводничество, дуэль), так и в его укрывательстве (заранее не обещанное приобретение либо сбыт похищенного имущества);

2) уголовному законодательству в середине XIX в. становятся известны отчасти уникальные случаи наказуемости лишь факта содействия достижению либо реализации соглашения, в то время как действия сторон, участвующих в такой сделке, не подлежат уголовно-правовой оценке (организация азартных игр).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 139.

² Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 158.

³ См.: Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1866. С. 133.

⁴ См.: Там же. С. 134.

⁵ Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1914. С. 334.

⁶ См.: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 433.

⁷ Громов Н.А. Законы уголовные. СПб., 1913. С. 182–185.

⁸ См.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1866 г.

⁹ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. С. 539.

¹ Lohvickij A. Kurs russkogo ugodovnogogo prava. SPb., 1867. S. 139.

² Esipov V.V. Ocherk russkogo ugodovnogogo prava. Chast' Obshhaja: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye. Varshava, 1894. S. 158.

³ См.: Kalmykov P.D. Uchebnik ugodovnogogo prava. Chast' Obshhaja. SPb., 1866. S. 133.

⁴ См.: Там же. S. 134.

⁵ Volkov V.V. Ulozhenie o nakazaniyah ugodovnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1914. S. 334.

⁶ См.: Lohvickij A. Kurs russkogo ugodovnogogo prava. SPb., 1871. S. 433.

⁷ Gromov N.A. Zakony ugodovnye. SPb., 1913. S. 182–185.

⁸ См.: Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'jami. SPb., 1866 g.

⁹ Tagancev N.S. Ulozhenie o nakazaniyah ugodovnyh i ispravitel'nyh 1885 goda. SPb., 1904. S. 539.